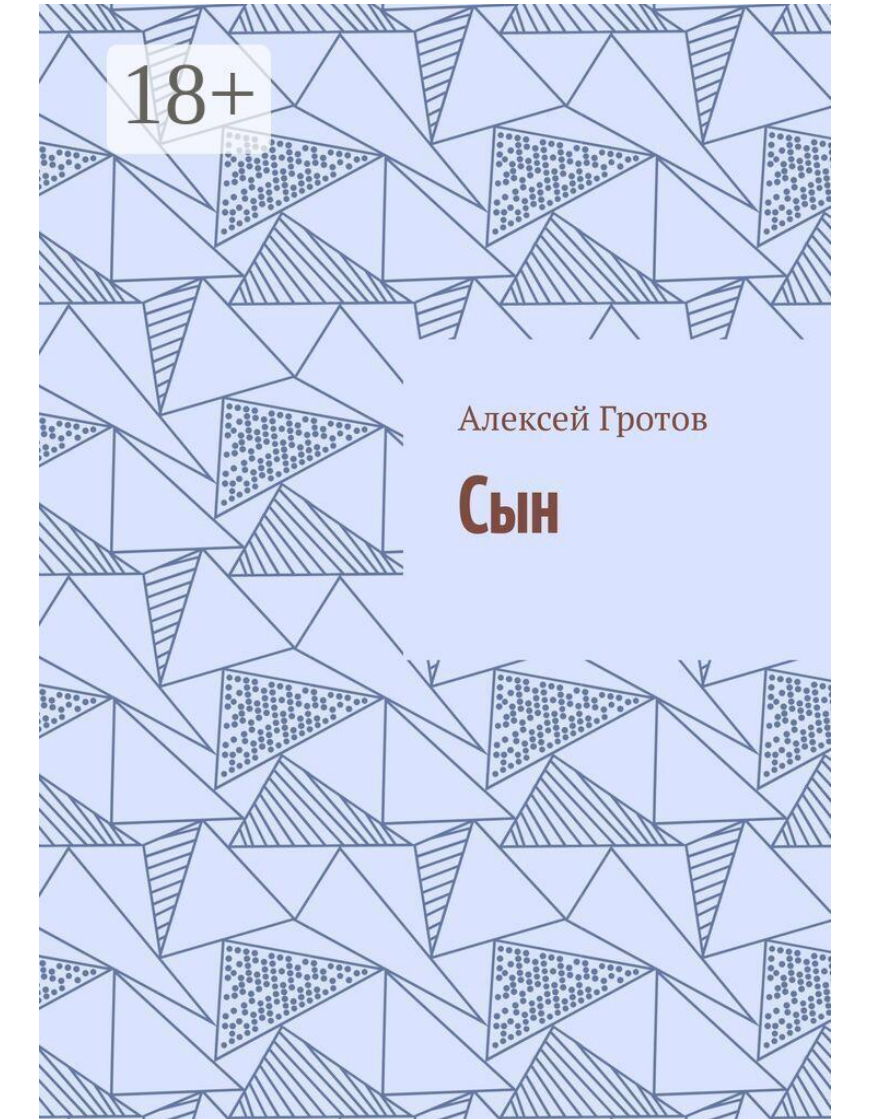

18+

Алексей Готов

СЫН

Алексей Готов

Сын

<https://litres.ru/74374684>

ISBN 9785007102773

Аннотация

Психологический триллер о семнадцатилетнем Майкле, который живёт в идеальном мире, созданном его родителями. Каждый день расписан по минутам, каждое действие контролируется. Но за фасадом образцовой семьи скрываются тайны, которые Майкл начинает раскрывать случайно. Старые фотографии, обрывки разговоров, запертые комнаты — всё указывает на то, что у него был брат, о котором никто не говорит. Желание узнать правду превращается в борьбу за собственную свободу

Содержание

Часть первая. Золотая клетка	5
Глава 1	5
— Я помню, пап	7
— Но я слышал...	10
Глава 2	13
— Да, пап	16
И она боялась	19
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сын

Алексей Готов

© Алексей Готов, 2026

ISBN 978-5-0071-0277-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Золотая клетка

Глава 1

Просыпаться в этом доме было всё равно что включать телевизор, где заранее записан один и тот же идеальный день.

Майкл открыл глаза ровно в 6:45 — будильник ещё не прозвенел, но тело уже знало: за окном шелестят листья клёна, свет сочится сквозь белые жалюзи, а внизу, на кухне, мать греет молоко ровно две минуты тридцать секунд. Он мог бы проверить — секундомер бы совпал. Всё в этом доме совпадало, будто его собрали из деталей конструктора, где не предусмотрено ни одной лишней щели.

Майкл сел на кровати, потянулся и окинул комнату привычным взглядом. Слева — письменный стол, на нём ноутбук под углом сорок пять градусов к окну, ручки в подставке — синяя слева, чёрная справа, красная в центре. Книги на полке стояли по высоте, от самых высоких до самых низких, и между ними не было даже миллиметра зазора. Стены — идеально белые, без единого пятна или плаката. Майкл хотел повесить постер с группой, но отец мягко заметил, что это «нарушает эстетику пространства», и Майкл тогда не

спорил. Он вообще редко спорил.

Он встал, надел тапочки (аккуратно поставленные у кровати носками к стене), и прошёл в ванную. Зеркало не запотевало — работала мощная вентиляция, отец лично проектировал систему. Майкл посмотрел на своё отражение: русые волосы, серые глаза, острый подбородок. Обычный парень, которому через два месяца исполнится семнадцать. Только в глазах иногда мелькало что-то — словно он сам не до конца понимает, где находится.

Когда он спустился вниз, мать уже стояла у плиты. Амелия — высокая, худая, с вечной улыбкой, которая никогда не касалась глаз. Она обернулась, и голос её зазвенел, как хорошо настроенный колокольчик:

— Доброе утро, Майкл. Ты выспался? Я приготовила овсянку с ягодами. Ровно пятьдесят граммов, как ты любишь.

Она поставила тарелку на стол — строго на салфетку, в центре. Рядом уже лежала ложка, вилка и салфетка бумажная, сложенная треугольником. Отец сидел во главе стола, читал финансовый журнал и не поднимал головы. Томас Харрисон был подтянут, седой на висках, в безупречно выглаженной рубашке — даже в семь утра он выглядел так, будто собрался на совет директоров.

— Майкл, — произнёс он, не отрываясь от страницы, — сегодня в четыре у тебя занятия с репетитором по математике. Не опаздывай.

— Я помню, пап

— И после занятий сразу домой. В шесть мы ужинаем.

— А можно я зайду к Энди? Он просил помочь с проектом по физике...

Отец поднял взгляд. У него были холодные голубые глаза, которые смотрели так, будто сканировали собеседника на предмет дефектов.

— Энди живёт в другом районе, и его мать не всегда дома. Это небезопасно. Мы можем пригласить Энди к нам в выходные, я заранее всё организую.

— Но, пап, мне просто...

— Майкл. — Голос отца стал чуть ниже, и в нём послышался металл. — Ты знаешь правила. Они созданы, чтобы защитить тебя. Не заставляй меня волноваться.

Мать тут же вмешалась, положив руку Майклу на плечо:

— Он прав, дорогой. Мир такой опасный. Мы просто хотим, чтобы ты был в безопасности.

Майкл проглотил овсянку. Она была безвкусной, как всегда, — никакого сахара, никакой соли, потому что «сладкое разрушает концентрацию». Он пил воду комнатной температуры — отец считал, что холодная вода вредна для горла.

После завтрака отец проверил его рюкзак. Это тоже входило в ритуал. Томас Харрисон вынимал каждый предмет: тетради, учебники, пенал, ключи от дома. Он проверял, все ли страницы на месте, не забыл ли сын сменную обувь, и за чем-то пересчитывал карандаши.

— Одного синего карандаша не хватает, — сказал он.

— Пап, он сломался, я выбросил...

— Нужно было сразу сказать. В ящике есть запасные. Я кладу два синих, два чёрных и один красный. Всё должно быть идеально.

Майкл сжал зубы, но кивнул. Когда отец наконец отпустил его, он натянул куртку и вышел за дверь.

Стояло раннее утро, солнце только поднималось над деревьями. Их дом стоял в конце тупиковой улицы, окружённый высоким забором и автоматическими воротами. Соседи считали Харрисонов образцовой семьёй: отец — успешный архитектор, мать — домохозяйка, сын — отличник. Никто не знал, что внутри этого образца всё было выверено до скрипа.

Майкл сел в школьный автобус. Когда автобус тронулся, он обернулся и увидел мать у окна спальни. Она стояла и смотрела на него, пока автобус не скрылся за поворотом. Всегда так. Каждое утро.

День прошёл как обычно: уроки, перемены, вопросы учителей, на которые он отвечал правильно, потому что не мог позволить себе ошибиться. Отец звонил в три часа — проверить, не забыл ли он про репетитора. Майкл заверил, что помнит.

Домой он вернулся без пяти шесть. В прихожей пахло деревом и полиролью. Мать уже накрывала ужин — белая скатерть, хрустальные бокалы, даже свечи (незажжённые, потому что открытый огонь — риск). Отец сидел в своём кабинете, дверь которого была приоткрыта, и говорил по телефону. Майкл хотел подняться к себе, но вдруг услышал обрывок фразы:

— ...нет, он не такой, как Майк. Я сделаю из него человека, который не сломается. В этот раз я всё проконтролирую...

Сердце Майкла пропустило удар. Майк? Кто такой Майк? Отец никогда не упоминал это имя. Может быть, коллега? Или... он тряхнул головой, отгоняя мысль. Нелепость. Но внутри засела маленькая игла — непривычное чувство, что в этом идеальном механизме есть деталь, которую он не видит.

За ужином он попытался спросить:

— Пап, а ты говорил по телефону про какого-то Майка?

Отец замер на секунду. Ложка с супом остановилась в воздухе, и в комнате вдруг стало тихо. Мать перестала жевать.

— Тебе послышалось, Майкл, — сказал отец, и в его голосе появилась та стальная нотка, которую Майкл ненавидел больше всего. — Я говорил о проекте. Майк — это просто имя клиента.

— Но я слышал...

— Ты устал. — Отец перебил его, и улыбка на его ли-

це стала слишком широкой, почти искусственной. — Завтра выходной. Мы отдохнём. А сейчас доедай, тебе нужно спать.

Майкл послушно доел. Но когда он поднимался в свою комнату, он заметил, что дверь в кабинет отца, которая обычно была открыта, теперь плотно закрыта. Из-под неё не пробивался свет.

Лёжа в кровати, он смотрел в потолок. Потолок был идеально белым, как и стены, но в углу, прямо над кроватью, он заметил крошечную трещину, зашпаклёванную и покрашенную. Трещина была едва видна, но если присмотреться, можно было разглядеть, что шпаклёвка чуть темнее краски.

«Странно, — подумал он. — Отец так тщательно следит за всем. Почему он не закрасил это как следует?»

Он привстал, хотел провести пальцем по шероховатости, но в этот момент в коридоре послышались шаги. Майкл быстро лёг и притворился спящим. Дверь его комнаты приоткрылась — он видел силуэт отца в щёлке. Отец постоял, глядя на него несколько секунд, потом тихо закрыл дверь.

Майкл ждал, пока шаги стихнут, и только тогда открыл глаза. Трещина в потолке казалась ему теперь не просто дефектом — она выглядела как намёк. Как будто кто-то заму-

ровал что-то в стену, но забыл скрыть следы.

«Завтра я посмотрю, что там», — пообещал он себе.

Но он не знал, что завтрашний день перевернёт всё, что он знал о своей семье. И что та фотография, которую он найдёт, ждала его совсем в другом месте — не в потолке, а под половицей, задвинутая так далеко, что только случайность могла её вытащить на свет.

Случайность, которой суждено было случиться через три дня. Но это будет уже другая глава.

А пока Майкл закрыл глаза и уснул — в своём идеальном доме, с идеальными родителями, в идеальном мире, который начинал трескаться по швам.

Глава 2

Ночью Майклу снился сон, где он стоял на краю обрыва, а внизу, в тумане, кто-то махал ему рукой. Лица не было видно, только силуэт мальчика его роста, в такой же футболке. Он хотел крикнуть: «Кто ты?», но ветер уносил слова, и он проснулся с сухим горлом.

За окном уже серело. Часы показывали 6:47 — на две минуты позже обычного. Майкл лежал, глядя в потолок. Трещина на месте. Теперь при дневном свете она казалась ещё заметнее — тонкая, как паутина, но покрашенная слоем краски, который чуть отсвечивал.

Он встал, тихо, чтобы не разбудить родителей, и придвинул стул к стене. Забрался на него, вытянул руку. Потолок был высоким, но если встать на цыпочки, можно достать. Он провёл пальцем по трещине. Шпаклёвка была твёрдой, и под ней не чувствовалось пустоты. Просто ремонтный дефект. Майкл разочарованно спрыгнул, но почему-то внутри засело: это не случайность. Трещина появилась не просто так.

Внизу загремела посуда — мать встала. Майкл быстро убрал стул на место и пошёл умываться.

За завтраком отец был ещё более собранным, чем обычно. Он перелистывал свой журнал, но Майкл заметил, что страница не менялась уже десять минут. Отец думал о чём-то своём. Мать накладывала яичницу и тоже молчала, что было нехарактерно. Обычно она щебетала о планах на день, о погоде, о том, что нужно купить новые полотенца. Сегодня тишина повисла, как лезвие.

— Майкл, — наконец сказал отец, закрывая журнал. — Сегодня вечером мы с мамой уедем на несколько часов. Нужно подписать документы у нотариуса в соседнем городе. Ты останешься один.

Майкл поднял брови. Это было впервые. Обычно они никуда не уезжали без него, а если и уезжали, то брали с собой.

— Но я справлюсь, пап. Я уже не маленький.

— Знаю. Поэтому мы и решили оставить тебя. — Отец улыбнулся, но улыбка вышла вымученной. — Дверь закроешь на все замки. Никому не открывай. В холодильнике ужин, разогреешь в микроволновке. Мы вернёмся к десяти.

Мать кивнула, и Майкл вдруг поймал её взгляд — быстрый, тревожный, который говорил: «Он не должен ничего найти». Но она отвела глаза и принялась мыть тарелку, хотя

та была чистой.

В школе день тянулся бесконечно. Майкл сидел на физике и смотрел в окно, не слыша учителя. Он прокручивал в голове слова отца: «Не такой, как Майк». Имя звучало в ушах, как заноза. Может быть, это просто совпадение? Коллега, друг? Но тогда почему отец так странно отреагировал за ужином?

На перемене он зашёл в библиотеку и набрал в поисковике: «Томас Харрисон, архитектор, сын Майк». Результатов ноль. Тогда он ввёл просто «Майк Харрисон» — и увидел старую заметку в местной газете, датированную десятью годами ранее. Заголовок: «Трагедия в горах: местный подросток погиб при восхождении». Он кликнул на ссылку, но страница была удалена. Только обрывок текста в кэше: «... Майкл Харрисон, 12 лет, сорвался...»

Майкл замер. Майкл? Но это же его имя. Он перечитал ещё раз — в статье говорилось о двенадцатилетнем мальчике по имени Майкл. Но ему самому сейчас почти семнадцать, значит, десять лет назад ему было семь. Он не мог быть тем мальчиком.

Он попытался открыть другие ссылки, но все они вели на страницы 404. Как будто кто-то тщательно подчистил исто-

рию.

После уроков он бежал домой, почти не дыша. В прихожей уже стояли собранные сумки родителей. Отец надевал пальто, мать проверяла, выключен ли газ.

— Мы уезжаем, — сказал отец, целуя его в лоб. — Ты всё понял? Дверь на замок.

— Да, пап

— Мы оставляем тебе телефон матери, на случай экстренной связи. — Он протянул старый кнопочный телефон. — Включай только если что-то случится. Мы будем на связи через час.

Мать обняла его слишком крепко, задержалась на секунду дольше обычного. Её руки пахли лавандой, а глаза были влажными.

— Мы любим тебя, — прошептала она. — Помни об этом.

Когда машина отца выехала со двора, и ворота автоматически закрылись, Майкл наконец выдохнул. Он запер дверь на все замки, как было велено, но не из страха перед чужими. Он боялся другого — того, что он собирался сделать.

Он поднялся в свою комнату и встал посередине. «Где бы я спрятал то, что не хочу показывать?» — подумал он. Сам он ничего не прятал, потому что отец регулярно проверял его вещи. Но если здесь когда-то жил другой мальчик...

Он опустился на колени и начал ощупывать пол. Паркет был старым, дубовым, уложенным ещё до того, как они переехали в этот дом. Он постучал по доскам. Одни откликнулись глухо, другие — звонче. В углу, под кроватью, он услышал пустоту.

Сердце заколотилось. Майкл достал нож из стола и поддел край доски. Она поддалась с сухим треском. Под ней оказался тёмный зазор, и в нём — старый конверт из плотной бумаги, пожелтевший по краям.

Он вытащил его трясущимися руками. Конверт был не запечатан, внутри — фотография. Майкл перевернул её и замер.

На снимке был мальчик. Очень похожий на него: те же русые волосы, тот же острый подбородок, те же серые глаза. Но это был не он. Мальчик был младше — лет восьми, с широкой улыбкой и ямочками на щеках, которых у Майкла не было. Он стоял на фоне их дома, но тогда дом был белым, а не

кремовым. И за спиной у мальчика стояли отец и мать. Отец был моложе, без седины, и держал руку на плече мальчика. Мать улыбалась настоящей улыбкой, не такой, как сейчас.

Майкл перевернул снимок. На обратной стороне было выведено детским почерком: «Майк, 8 лет. Лето 2014».

Майк. Не Майкл. И на одну букву меньше.

Майкл присел на кровать, не в силах отвести взгляд от фотографии. Десять лет назад. До того, как он себя помнит. Его собственное детство начиналось с пяти лет, и он помнил обрывки: как мама учила его читать, как папа строил домик на дереве во дворе (который потом почему-то сломали). Но он никогда не видел эту фотографию. Никогда не слышал имя Майк.

Внутри всё оборвалось. Он смотрел на мальчика, который был его точной копией, и понимал: этот дом, эта комната, эта кровать — всё это принадлежало ему. И он умер.

А Майкл занял его место.

За окном загудел автомобиль — родители вернулись? Нет, рано. Сосед. Но Майкл всё равно вскочил, спрятал фотографию обратно под половицу и задвинул доску. Он вытер

пот со лба и сел за стол, пытаясь унять дрожь.

Когда через полчаса он услышал знакомый звук открывающихся ворот, он уже решил: он будет молчать. Он должен узнать всё сам. Он будет наблюдать, притворяться, но теперь у него есть имя, и он найдёт ответы.

Но когда мать вошла в дом и обняла его, спросив: «Как ты, сынок?», Майкл почувствовал, как её руки слегка дрожат. Она знала. Она знала, что он может найти.

И она боялась

Майкл улыбнулся в ответ своей обычной, идеальной улыбкой, но внутри он уже перестал быть тем послушным мальчиком, которого они вырастили. Он стал следопытом. И охота только начиналась.

Глава 3

Утро началось с того, что отец смотрел на Майкла чуть дольше обычного.

Они сидели за завтраком, и Томас Харрисон не читал журнал. Он просто сидел, положив руки на стол, и наблюдал за сыном с непроницаемым лицом. Майкл чувствовал этот взгляд на своей шее, когда подносил ложку ко рту, когда жевал, когда отпивал воду. Он старался не смотреть в ответ, но уголки глаз ловили отцовскую фигуру — напряжённую, неподвижную, как статуя.

— Ты плохо спал? — спросил отец. Голос звучал ровно, но в нём было что-то новое — настороженность.

— Нормально, — ответил Майкл, проклиная себя за то, что голос дрогнул. — Просто снилось что-то странное.

Мать подняла голову от плиты. Её руки замерли над сковородой.

— Что же тебе снилось, милый?

— Не помню, — соврал он. — Какие-то горы. Обрыв. И

ветер.

В комнате повисла тишина. Мать обернулась к отцу, и между ними пробежал быстрый, едва заметный взгляд. Отец чуть качнул головой, словно говоря: «Не сейчас».

— Горы — это к приключениям, — сказал отец слишком бодро. — Кстати, я подумал, что нам стоит съездить в загородный дом на этих выходных. Как раз подышим свежим воздухом.

Майкл почувствовал, как внутри всё сжалось. Загородный дом. Тот самый, где всё случилось? Он не знал, что там произошло с Майком, но интуиция подсказывала: туда ехать нельзя. И одновременно — туда нужно попасть. Там могут быть ответы.

— Конечно, пап, — сказал он, улыбаясь своей идеальной улыбкой. — Я люблю загородный дом.

Отец удовлетворённо кивнул и наконец взял журнал.

В школе Майкл не мог сосредоточиться. Он сидел на истории и смотрел на учителя, но видел только лицо мальчика с фотографии. Майк. Восемь лет. Та же комната, те же стены, но другая жизнь. Почему родители никогда не говорили

о нём? Почему они сделали вид, что Майкл — их единственный ребёнок?

На большой перемене он зашёл в туалет и достал телефон. Он нашёл ту самую газетную статью — обрывок в кэше. Текст гласил: «...Майкл Харрисон, 12 лет, сорвался с высоты 30 метров во время восхождения с отцом. Спасатели прибыли через час, но мальчик скончался от полученных травм». Майкл перечитал заголовок: «Трагедия в горах». Место — Национальный парк Уайт-Маунтинс. Тот самый, рядом с их загородным домом.

Он зажмурился. Значит, отец взял Майка в горы, и тот погиб. Отец выжил. И теперь он растит нового сына — его, Майкла. Но зачем он это делает? Почему он не рассказал правду?

В голове всплыли слова отца, услышанные из кабинета: «Я сделаю из него человека, который не сломается». Майкл сглотнул. Отец пытался его воспитать по-другому? Сделать более осторожным, контролируемым? Или, наоборот, — закалить, чтобы он не повторил судьбу брата?

Когда он вернулся домой, родителей не было. На кухне лежала записка от матери: «Мы в магазине. Вернёмся через час. В холодильнике сок. Люблю тебя». Майкл посмотрел на

часы — у него было около сорока минут.

Он поднялся в комнату, открыл половицу и достал фотографию. Он смотрел на неё, пытаясь запомнить каждую деталь. Дом был тем же, но краска другая, и крыльцо казалось новее. На заднем плане виднелся старый дуб, который до сих пор рос у забора. На ветке висели качели — те самые, которые отец потом убрал, объяснив, что они «небезопасны».

Майкл сунул фото в карман и спустился вниз. Он никогда не заходил в кабинет отца без разрешения, но сейчас рискнул. Дверь оказалась незаперта. Кабинет пах кожей, деревом и табаком — отец иногда курил трубку, хотя отрицал это. На стене висели дипломы, чертежи, но одна рамка была пустой. Майкл присмотрелся — в ней остались следы от старой фотографии, которую явно убрали. На столе лежали бумаги, но он не стал их трогать. Он искал то, что могло быть спрятано.

В нижнем ящике стола он нашёл коробку из-под сигар. Внутри лежали старые ключи, марки и... маленький синий рюкзак. Майкл вытащил его. Рюкзак был детским, с потёртой нашивкой, на которой выцветшими буквами было вышито: «М. Харрисон».

Сердце пропустило удар. Он открыл рюкзак — внутри лежал блокнот в клетку, несколько карандашей и маленькая

игрушка — резиновый динозавр. Он взял блокнот. Первые страницы были исписаны детским почерком: «Меня зовут Майк, мне 7 лет. Я люблю горы, как папа. Мама говорит, я похож на папу. Папа сказал, что в следующем году поведет меня на большую вершину. Я буду смелым, как он».

Майкл перевернул несколько страниц. Почерк становился более взрослым: «Папа сказал, что я должен залезть на скалу. Без страховки. Я испугался, но он сказал, что трусы не его сыновья. Я сделал это. Было страшно. Мама плакала, когда увидела, но папа сказал, что я молодец». И последняя запись: «Завтра мы едем в горы. Отец говорит, что это мой экзамен. Если я пройду, он будет мной гордиться. Я должен, я не могу подвести».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.